



Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 123

(Мартъ).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Великій Пятокъ. *Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*—Совершишася.*—Вспоминанія страстной седмицы. Страждущій Прекрасный Іосифъ.*—Какимъ путемъ идемъ мы по причащеніи Св. Таинъ—Апостольскимъ или Іудинимъ? *І. Ав.*—Молитва у креста. Ангелу—Хранителю. *С. Обухова.*

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Какой изъ всѣхъ дней въ году самый великій по своему значенію во всемірной исторіи, въ исторіи хрістіанства, въ жизни каждаго отдѣльнаго хрістіанина? Когда вѣрующая душа особенно должна уйти въ себя, забыть всю суету земную, отложить всякое житейское попеченіе, чтобы задуматься о томъ, какъ велика и непредѣльна любовь Божія къ людямъ, и какъ люди неблагодарны къ своему Творцу, Отцу и Благодѣтелю? Въ какой день всего благопотребнѣе, всего легче, наконецъ, размыслить хрістіанину о томъ,—кто есть Богъ, Существо всесовершенное? Кто—человѣкъ? ничтожная пылинка мірозданія! И о томъ, что ради этой пылинки всесовершенный Богъ сталъ Человѣкомъ и яко человѣкъ,—умеръ на крестѣ ради человѣка!

О, конечно, это—день спасительныхъ страдашій нашего Господа Искупителя, это, конечно—Великій Пятокъ! И до того этотъ день великъ, что слово *праздникъ* къ нему не совсѣмъ приложимо; праздникъ есть день радости, ликования, торжества; Великій Пятокъ есть день глубокой скорби, состраданія Хрісту страждущему за грѣхи всего міра, безмолвнаго созерцанія великой Его искупительной жертвы на Крестѣ...

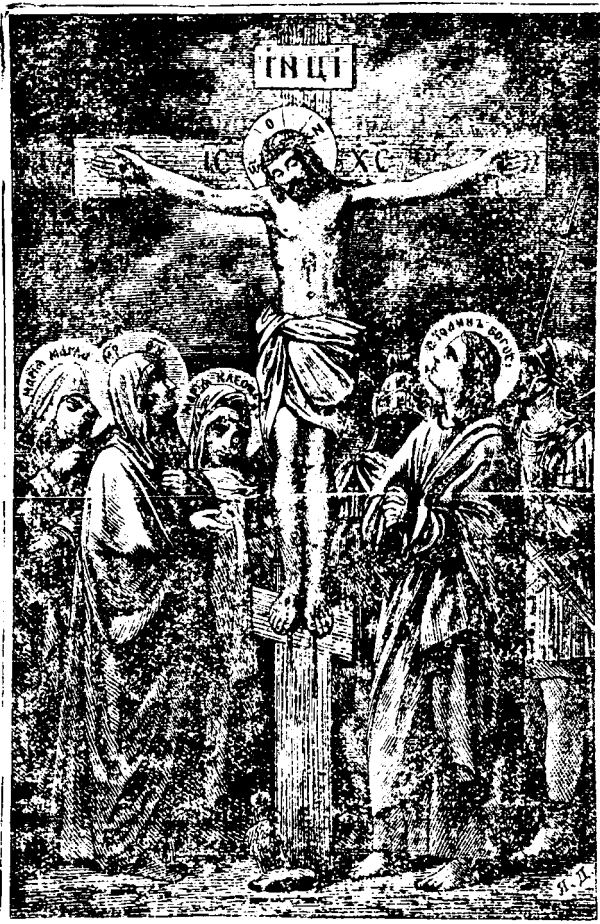
Да молчитъ всякая плоть человѣча!

Хрістось на Крестѣ!... О, какой языкъ человѣческой изобразить всю тяжесть Его крестныхъ мукъ?! Вѣдь Онъ всѣ грѣхи рода человѣческаго взялъ на Себя, всѣ вины наши предъ Богомъ понесъ, весь гнѣвъ Божій за эту бездну грѣховъ на Себя принялъ: какой же умъ человѣческой можетъ постигнуть, какое сердце можетъ вмѣстить всю горечь сихъ неизреченныхъ мукъ нашего Спасителя? Вспомните одинъ терзающій сердце вопль Его къ Отцу небесному: *Боже Мой, Боже Мой! Почто Ты Меня оставилъ?!!* Видно, даже для Него, предъ Кѣмъ трепеталъ адъ, отдавая своихъ мертвецовъ по Его зову, были нестерпимы эти муки крестныя, а паче того—муки душевныя, за наши грѣхи, за наши беззаконія! Какъ же не трепетать сердцу хрістіанскому при одномъ воспоминаніи крестной смерти нашего Господа? Какъ не повергаться въ прахъ предъ тайной Его креста въ тотъ великій день, когда дѣломъ исполнилось то, чего томительно ждало измученное грѣхомъ

человѣчество со дня своего изгнанія изъ рая, когда раздрано рукописаніе грѣховъ нанихъ, когда само небо попрачилось, земля сотряслась, неодушевленная природа почувствовала и отозвалась на все величіе совершающихся событій? Вѣдь въ этотъ день совершился великій переломъ всемірной исторіи, Богъ примирилъ съ Собою грѣшный міръ, началась новая жизнь на землѣ... Это почувствовалъ даже одинъ язычникъ, который въ часъ страданій Христовыхъ, пораженный неестественнымъ затменіемъ солнца, воскликнулъ: „творится что - то необычное: или насталь конецъ міра, или же—Богъ—Творецъ міра—страждетъ“!

И вотъ, въ сей великій и спасительный день, страждущее, кающееся сердце человѣческое жаждетъ припасть къ подножію креста Христова, выплакать все свое горе, пожаловаться Висящему на крестѣ Спасителю своему на свою немощь, на свое безсиліе въ борьбѣ съ одолѣвающимъ его грѣхомъ. И святая церковь идетъ на встрѣчу кающемуся грѣшнику: она отмѣнила въ этотъ великій день даже Божественную литургію, какъ таинство полное радости, чтобы дать возможность всецѣло отдаться чувству покаянія, плача, умиленія сердечнаго и созерцанію совершеннаго для насъ дѣла любви Божіей неизреченной. Въ этотъ день все богослуженіе такъ составлено, что всѣ страданія Христовы какъ бы проходятъ на нашихъ глазахъ въ чтеніяхъ евангельскихъ, въ чудныхъ, въ высшей степени поэтическихъ (ахъ, какъ жаль, что нашей церковной поэзіи не знаетъ наша интеллигенція!), пѣснопѣніяхъ, въ умиленныхъ обрядахъ. Церковь переноситъ насъ на Голгоѳу, даетъ намъ возможность переживать чувствомъ сердца все то, чему были свидѣтелями—очевидцами апостолы Господни, Его пречистая Матерь, св. жены мвроносицы...

Скажите: какой еще день можно сравнить съ симъ глубокоскорбнымъ, величаво таинственнымъ днемъ? И когда сама душа хрістіанская, если только въ ней еще не замерла совѣсть, еще мерцаетъ свѣточъ вѣры въ Искупителя грѣшнаго міра, когда всего легче стремится она къ своему Спасителю, чтобы пасть во грѣхѣхъ земномъ у подножія животворящаго креста Его, обнять и лобызать любовію это подножіе, умолять Господа въ покаянномъ чувствѣ о прошеніи, прислушиваясь къ покаянному воплю одесную Его распятаго разбойника: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!...*



Да, если весь постъ есть время покаянія, то страстная седмица, а паче всего—страстной пятюкъ есть самый благоприятный день для кающейся души, для ея примиренія съ Богомъ при посредствѣ Великаго Примирителя — Христа. Вотъ когда наша совѣсть должна съ особою силою требовать отъ насъ, чтобы мы вспомнили о самой насущной потребности всякаго вѣрующаго—поговѣть въ Великомъ посту и причаститься Божественныхъ Тайнъ Христовыхъ: пусть же хотя этотъ день съ Великою субботою будетъ посвященъ вѣрующими для исполненія сего священнаго долга—долга говѣнія, исповѣди и святаго причащенія!..

Никонъ Епископъ Вологодскій и Тотемскій.

С о в е р ш и ш а с я .

Итакъ, послѣ страданій на судѣ у первосвященниковъ и въ преторіи Пилата, насталь, наконецъ, моментъ казни.

Древо креста утверждено. Одежды совлечены. Распинаемый вознесенъ на крестъ. Его руки и ноги пригвождены. Изъ ранъ потоками льется кровь...

Среди столь ужасныхъ страданій Распятый нашелъ въ Себѣ силы молиться. О чемъ? О правотѣ Своего дѣла? О мщеніи врагамъ? О ниспосланіи терпѣнія? Нѣтъ, Онъ молился о прощеніи врагамъ Своимъ: „Отче! отпусти имъ: не вѣдятъ-бо что творять“.

Дѣйствительно, не вѣдали римскіе воины-распинатели. Не вѣдала іудейская безпорядочная толпа, наущенная льстивыми или грозными внушеніями книжниковъ и фарисеевъ.

Но сколько кроется здѣсь преступленій тѣхъ, кои имѣли очи видѣть и не видѣли, имѣли уши слышать и не слышали! Все это было забыто Божественнымъ Страдалцемъ. Онъ забываетъ Свой Крестъ, Свою смерть и, какъ первосвященникъ по чину Мелхиседекову, при самомъ вознесеніи на крестъ молился о врагахъ Своихъ.

Хрістіанинъ! Познаешь-ли ты въ Распятомъ Агнца Божія? Слѣдуешь-ли Его примѣру и бываешь-ли кротокъ въ отношеніяхъ къ своимъ врагамъ? Кто ни разу не простилъ врагу во имя Распятаго, тотъ недостойно носитъ имя хрістіанина.

Отъ распинателей взоръ Распятаго переносится на Своихъ присныхъ. У креста стояла Матерь Его и возлюбленный ученикъ. Безутѣшныя страданія ихъ наполняютъ новыми мученіями сердце Распятаго. Но въ этомъ сердцѣ нашлось утѣшеніе состраждущимъ. Взглянувъ на Матерь, Страдалецъ сказалъ: „Жено! се сынъ Твой!“ А ученику рекъ: „се Мати твоя“..

Такъ совершилось Божественное всыновленіе. Большаго утѣшенія нельзя было ожидать со креста ни Матери, ни другу.

А намъ — земнороднымъ — нельзя ожидать большаго назиданія о святости родственныхъ связей и дружеской любви.

Молитвою за враговъ и Божественнымъ всыновленіемъ, казалось, объята была со креста вся полнота любви Хрістовой.

Но нѣтъ. Оставалось еще мѣсто у сердца, не прободеннаго еще копіемъ, открытаго для всѣхъ и каждаго. Кому же оставалось это мѣсто? Благоразумному разбойнику. *Днесь со Мною будиши въ рай.* Слова эти слышались какъ бы уже не со креста, а съ царскаго престола.

Какое назиданіе открывается опять для истинныхъ послѣдо-

вателей Христовыхъ! Назиданіе—послужить дѣлу любви Христовой даже до овра смертнаго.

Распятый на крестѣ! Невозможно изобразить мученія, какія испытываютъ распятыя. Мученія эти заключаютъ въ себѣ все, что есть самаго ужаснаго въ предсмертныхъ страданіяхъ. Невыносимыя страданія чувствовались при самомъ малѣйшемъ движеніи. Гвоздинныя раны воспалялись. Ихъ разъѣдала гангрена. Кровеносные сосуды напрягались и порывались. Въ тѣлѣ развивался невыносимый жаръ. Мучимый смертельною жаждою, Страдалецъ воскликнулъ: *жажду!* Злоба враговъ хотѣла утолить Его жажду оцетомъ и желчію.

Блаженны тѣ, кои не утоляютъ ее такъ доселѣ! Не суть-ли грѣхи наши оцетъ съ желчію?

Но и это не самое лютѣйшее страданіе Жертвы за грѣхи міра. Гдѣ же это страданіе? Кто его произвелъ? Самъ Отецъ! Его правосудіе! Въ минуты тягчайшихъ страданій Онъ какъ бы оставилъ Сына. Такое оставленіе было верхомъ страданій Богочеловѣка. Оно касалось не только тѣла, но и святѣйшей души. Оставленный всѣми, Страдалецъ воніетъ ко Отцу: *Боже, Боже Мой, вскую Мя оставилъ еси?*

Послѣ этого не оставалось уже страданій, какія были бы не испытаны. Не оставалось мученій, которыя не были бы перенесены. Страдалецъ произнесъ: *совершилася!*

Кривавое крещеніе, которымъ Онъ долженъ былъ креститься, совершилось. Чаша страданій, которую далъ Ему Отецъ, испита до дна.

Совершилася! Совершилось то дѣло, ради котораго Сынъ Божій былъ посланъ Отцомъ, дѣло искупленія людей отъ грѣха, проклятія и смерти. Утоленъ гнѣвъ Божій. Разодрано рукописаніе нашихъ согрѣшеній. Побѣждены грѣхъ, смерть, адъ, діаволь.

Совершилася! Совершилось то, чего такъ томительно ожидать родъ человѣческій въ продолженіе тысячелѣтій и что предвозвѣщено было еще въ раю нашимъ прародителямъ. Въ прахѣ у ногъ Распятаго лежалъ *древній змій*. Сѣмя жены сокрушило голову змія. Авраамъ возрадовался, ибо *въ стѣни его* благословились *вси языцы земни*. Воздвигнуть былъ на Голгоетѣ алтарь Новаго Завѣта. Совершилось примиреніе людей съ Богомъ и открылось вѣчное спасеніе.

Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

* * *

Вспоминанія страстной седмицы.

Страждущій Прекрасный Іосифъ.

Въ седмицу, посвященную воспоминанію страстей Христовыхъ, Св. Церковь ублажаетъ цѣломудреннаго Іосифа, прообразовавшаго своими страданіями въ землѣ Египетской страданія Христовы. Читали-ли вы когда нибудь исторію Іосифа? Останавливались ли на ней своимъ вниманіемъ и размышляли-ли о тяжести этихъ страданій?

Нѣтъ, лучше, своимъ сердцемъ переживали ли эти страданія, скорбѣли-ли его печальми? Радовались-ли его радостями?

Эта исторія въ высшей степени назидательна.

Заглянемъ же на страницы этой исторіи. Пойдемъ вслѣдъ за Іосифомъ. Для ясности—бѣглый взглядъ на предковъ Іосифа.

Кто суть сии? О, это знакомыя намъ съ дѣтства священныя имена еврейскихъ патріарховъ: Авраама, Исаака, Іакова...

Авраамъ—отецъ вѣрующихъ. Гдѣ онъ стяжалъ эту вѣру?

Въ училищѣ креста. Ему вѣрно было оставить свою землю и идти въ чужую страну, къ невѣдомымъ людямъ, къ злѣйшимъ язычникамъ. Авраамъ повиновался.

Дорогою онъ испыталъ новое горе — похоронилъ своего отца. Въ новой землѣ также преслѣдовали его горя и нечестія.

То возникаютъ неудовольствія между нимъ и Лотомъ. То язычники злоумышляютъ противъ него... До старости не было у него потомка. А когда родился сынъ Исаакъ, послѣдовало новое испытаніе: Богъ велѣлъ принести Ему въ жертву единственнаго сына. Авраамъ повиновался. Такова жизнь отца вѣрующихъ.

Кроткій благочестивый Исаакъ—достойный сынъ великаго отца. Двадцать пять лѣтъ отъ роду было ему, когда на горѣ Морія отецъ объявилъ ему волю Божію, что онъ долженъ послужить агнцемъ на вновь устроенномъ жертвенникѣ. Исаакъ повиновался, послушливъ былъ до смерти. Этимъ величайшимъ подвигомъ прообразовалъ онъ Голгоѣскаго Агнца, Который былъ также *послушливъ Отцу Своему до смерти, смерти же крестныя.*

Іаковъ въ своей жизни и по своему благочестію подобенъ былъ великимъ предкамъ. Богъ Авраама, Исаака—былъ также и Богомъ Іакова. Вся жизнь его была училищемъ креста.

Получивъ отъ руки отца первое благословеніе, онъ долженъ былъ спастись отъ мести раздраженнаго брата Исава и бѣжать въ Месопотамію къ дядѣ своему Лавану. Здѣсь преслѣдовали его зависть и недоброжелательство Лавана и его сыновей. Но возвращеніи на родину, безвременно похоронилъ онъ свою любимую жену, прекрасную Рахиль.

Наконецъ, въ старости, когда ему оставалось, по видимому, спокойно доживать свои дни, онъ пораженъ былъ новымъ несчастьемъ, болѣе сильнымъ и чувствительнымъ, чѣмъ всѣ прежнія, ибо несчастье это постигло его уже не въ цвѣтъ лѣтъ, а во время упадка жизненныхъ силъ.

Несчастье это—потеря любимаго сына Иосифа.

Такимъ печальнымъ событiемъ начинается исторiя Иосифа въ библейскомъ изображенiи. Такъ рассказано здѣсь объ этомъ событiи.

Похоронивъ отца своего Исаака и закрывъ ему глаза, Иаковъ сталъ жить вблизи дорогихъ могилъ, около Хеврона, у дубравы Мамвре. Господь наградилъ его многочисленной семьей. У него было двѣнадцать сыновей и одна дочь.

Семья, какъ говорятъ нынѣ, была разношерстная.

Дѣти происходили отъ разныхъ матерей. Въ многочисленныхъ семьяхъ сколько наблюдаемъ мы нестроений? Тоже было и тогда, въ столь отдаленныя времена. Дѣти Иакова не одинаково почтительны были къ отцу. Неудивительно, что и любовь отца была не одинакова къ своимъ дѣтемъ.

Особенною его любовью взысканъ былъ Иосифъ, старшiй сынъ прекрасной Рахили. Это была добрая чистая душа. Отецъ особенно привязался къ нему ради его кротости и послушанiя. Между тѣмъ какъ другiе сыновья пасли стада на полѣ и часто далеко уходили изъ дому, Иосифъ большею частiю находился при отцѣ. Желая особенно наградить послушнаго сына, Иаковъ сшилъ ему дорогую разноцвѣтную одежду. Такая особенная любовь отца къ достойному сыну возбуждала къ нему зависть и недоброжелательство среди другихъ братьевъ. Враждебныя чувства особенно усилились въ ихъ сердцахъ послѣ того, какъ Иосифъ, въ простотѣ сердечной, рассказалъ имъ два сна. „Вотъ, мнѣ снилось, рассказывалъ Иосифъ, мы вяжемъ снопы среди поля. Мой снопъ всталъ прямо; ваши снопы встали кругомъ и поклонились моему снопу... Я видѣлъ еще сонъ: солнце, луна и одиннадцать звѣздъ поклоняются мнѣ“.

Послѣ этихъ сновъ братья рѣшили въ душѣ, что дальше терпѣть Иосифа нельзя. Въ нихъ зародился кровавый замыселъ братоубiйства.

Однажды братья со своими стадами ушли далеко. Иаковъ долго не получалъ извѣстiя отъ сыновей. Тогда онъ позвалъ къ себѣ Иосифа и сказалъ ему: „пойди, посмотри, здоровы-ли братья твои и цѣлъ ли скотъ, и принеси мнѣ отвѣтъ“. Иосифу уже минуло семнадцать лѣтъ.

Онъ не заставилъ себя ждать и тотъ-часъ же отправился исполнять отцовское повелѣнiе. Долго онъ не могъ разыскать своихъ братьевъ. Они ушли верстъ за семьдесятъ. Наконецъ, по

указанію одного человѣка, онъ напалъ на слѣдъ братьевъ. Издали онъ завидѣлъ ихъ и радостно сталъ подходить. Но братья встрѣтили его злобой и ненавистью. „Вотъ идетъ сновидецъ; пойдемъ, убьемъ его, говорили они другъ другу, и бросимъ его въ какой нибудь ровъ, и увидимъ, что будетъ изъ его сновъ“. Когда кроткій Іосифъ, ничего не подозрѣвая, привѣтствовалъ своихъ братьевъ, они безжалостно сорвали съ его плечъ прекрасную одежду и самого его бросили въ безводный колодезь, чтобы онъ погибъ тамъ.

Совершивъ злое дѣло, братья спокойно сѣли обѣдать. Вотъ, они видятъ, что ѣдутъ мимо на верблюдахъ египетскіе купцы. Они рѣшили продать Іосифа купцамъ... И продали... Для сокрытія же своего преступленія предъ отцомъ, они воспользовались дорогой одеждой брата, которую безжалостно сорвали съ него. Преступные братья закололи козленка, кровью его запятнали ненавистную имъ одежду и съ рабомъ отослали ее къ отцу. Совѣсть не позволяла имъ лично явиться къ нему и быть свидѣтелями его страшнаго безутѣшнаго горя. Посланный рабъ принесъ одежду къ Іакову съ такимъ извѣстіемъ: „вотъ, сыновья твои нашли эту одежду на полѣ. Не Іосифа ли эта одежда?“ Израиль узналъ свой подарокъ любимому сыну. Печальное извѣстіе какъ громъ поразило бѣднаго старца и онъ воскликнулъ: „эта одежда сына моего! Хищный звѣрь растерзалъ его. Съ печалію сойду къ сыну моему въ преисподнюю“. Терзаемый горемъ, онъ долго оплакивалъ его своими старческими, самыми горькими на свѣтѣ слезами.

Іосифъ между тѣмъ шелъ невольникомъ за караваномъ верблюдовъ на рынокъ рабовъ. Невозможно изобразить тѣ муки, какія испытывалъ благородный юноша, взлелѣянный нѣжною любовію старпа родителя. Никто не слышалъ его стонъ и воплей. Только въ сердцѣ престарѣлаго отца отзывались рыданія родимаго дѣтища.

Одному Богу извѣстно, кто изъ двухъ, пораженныхъ несчастіемъ людей, страдалъ болѣе: отецъ-ли, въ старости лишившійся горячо любимаго сына или сынъ, лишившійся отца и свободы. Тяжела эта исторія!..

Въ Египтѣ кушцы поспѣшили отправить Іосифа на рынокъ рабовъ. Красота Іосифа и молодость возвышали его цѣну. Скоро Іосифъ обратилъ на себя вниманіе одного изъ египетскихъ вельможъ, по имени Пентефрія, начальника дворцовой стражи. Онъ купилъ Іосифа. Тяжело было привыкать Іосифу къ новому положенію. Но его доброта, вѣрная и честная служба расположили къ нему сердце новаго господина. Скоро онъ получилъ важную для раба должность домоправителя. Но и это кратковременное возвышеніе повлекло за собою новое несчастіе для Іосифа.

Красотой Иосифа плѣнилась жена Пентефрїя и соблазняла его нарушить заповѣдь цѣломудрїя. Когда Иосифъ не захотѣлъ отдаться грѣху, злая женщина оклеветала его предъ мужемъ и Иосифъ былъ посаженъ въ темницу.

Такъ судьба безжалостно преслѣдовала его!

Но сколь не велики были бѣды и несчастїя, обрушившіяся на голову Иосифа, они не давили его до унынїя и отчаянїя. Онъ вѣровалъ въ Бога, въ Его правду и милосердіе и эта вѣра спасала его среди всѣхъ напастей и страданїй. Темничная жизнь, несказанно тяжелая для преступника, была далеко не такъ тяжела для праведника. Доброта Иосифа расположила къ нему сердце темничнаго начальника, который съумѣлъ оцѣнить прекрасныя качества его души.

Въ это время въ темницу были посажены два чѣмъ-то провинившіеся царедворца—виночерпїй и хлѣбодаръ. Начальникъ темничный приставилъ къ нимъ Иосифа для услугъ.

Скоро бывшіе вельможи сблизились и полюбили своего товарища по несчастїю. Однажды, войдя къ нимъ, Иосифъ невольно обратилъ вниманїе на печальный видъ заключенныхъ. Что съ вами, спросилъ онъ?—Мы видѣли сны, отвѣчали вельможи-узники, и не знаемъ, какъ разгадать ихъ. Расскажите мнѣ.

Мнѣ снилось, говорилъ виночерпїй, что въ рукѣ у меня три виноградныхъ лозы, а въ другой рукѣ—чаша фараонова.

Я выжималъ виноградный сокъ въ чашу и подавалъ ее въ руку фараонову.

— Три лозы—это три дня, объяснялъ Иосифъ. Чрезъ три дня, фараонъ вспомнитъ о тебѣ и вернетъ тебя къ прежней должности. Вотъ, скоро ты будешь въ силѣ. Не забудь о своемъ темничномъ слугѣ. Попроси фараона, чтобы онъ освободилъ меня. Вѣдь я украденъ изъ далекой земли; и здѣсь ничего дурного не сдѣлалъ, за что бы бросить меня въ темницу...

Вельможа обѣщалъ ему свое покровительство.

Очередь была за хлѣбодаромъ. Онъ рассказывалъ: на моей головѣ, мнѣ снилось, были три корзины съ хлѣбами для стола Фараонова. Изъ верхней корзины птицы клевали ихъ.

— Твоя судьба иная, сказалъ хлѣбодару Иосифъ. Три корзины это тоже три дня. Но чрезъ три дня царь велитъ казнить тебя и птицы будутъ клевать твое тѣло.

На третїй день фараонъ праздновалъ день своего рожденїя. Во время пира онъ вспомнилъ объ опальныхъ царедворцахъ. Виночерпїя простилъ и велѣлъ возвратитъ къ прежней должности, а хлѣбодара велѣлъ повѣсить.

Освободившись изъ темницы, виночерпїй опять сталъ подавать „чашу въ руку фараонову“. Но онъ забылъ о своемъ обѣщанїи и Иосифъ продолжалъ томиться въ темницѣ. Обыкновенная

исторія! Послѣ возвышенія люди забываютъ свое прежнее горе, забываютъ и прежнихъ друзей.

Но когда люди спятъ, бодрствуетъ Промыслъ Божій. Онъ устроилъ такъ, что съ именемъ Іосифа связано было спасеніе отъ голодной смерти цѣлаго народа и даже не одного египетскаго.

Въ это время самъ фараонъ видѣлъ знаменательные, всему міру извѣстные сны—о семи коровахъ и семи колосьяхъ, полныхъ и тощихъ. Ихъ не могли разгадать столь славившіеся мудрецы египетскіе. Царь разгнѣвался. Приближенные не знали, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія.

Тогда-то вотъ виночерпій вспомнилъ, что такъ легко и благодарно забылъ. Ищелая самъ выслужиться предъ фараономъ, онъ рассказалъ ему о дивномъ дарѣ снотолкованія у одного темничнаго узника Іосифа. Іосифъ немедленно представленъ былъ предъ царскія очи. И вотъ, началась бесѣда между могучимъ властелиномъ царемъ и беззащитнымъ брошеннымъ въ темницу рабомъ. Какъ будто царь забылъ на время свое величіе и заговорилъ какъ обыкновенный смертный. „Мнѣ видѣлись сны, а истолковать ихъ некому... О тебѣ я слышалъ, что ты умѣешь толковать сны“...—„Это не мое“, отвѣчалъ Іосифъ, т. е. снотолкованіе не есть искусство человѣческое, но даръ Божій.

Царь рассказалъ сны. По вдохновенію свыше, Іосифъ объяснилъ, что этими снами Богъ возвѣщаетъ фараону о годахъ необыкновеннаго плодородія и страшнаго голода.

Истина, какъ солнце, озарила умъ фараона. Онъ сказалъ окружающимъ: „найдемъ-ли мы такого человѣка, какъ онъ, въ которомъ бы былъ Духъ Божій?“ Обращаясь къ Іосифу, царь говорилъ: „Богъ открылъ тебѣ все это и нѣтъ человѣка столь разумнаго, какъ ты. Ты будешь надъ домомъ моимъ; твоего слова будетъ держаться народъ мой. Я поставлю тебя надъ всею землею Египетскою“.

Онъ снялъ съ своей руки перстень и надѣлъ его на руку Іосифа. Одѣлъ его въ виссонныя одежды и возложилъ на него золотую цѣпь. Привезли царскую колесницу и съ торжествомъ посадили въ нее Іосифа, вчерашняго раба и узника.

Всѣ встрѣчные падали ницъ предъ Іосифомъ...

Съ сихъ поръ начинается исторія прославленія Іосифа. Она такъ прекрасно и съ такими подробностями изображена въ Библии, что къ ней мы и отсылаемъ читателя.

Очеркъ же страданій Іосифа ясно указываетъ ту причину, по которой св. Церковь воспоминаетъ его въ первый день седмицы страстей Христовыхъ.

Какимъ путемъ идемъ мы по причащеніи Св. Таинъ Апостольскимъ или Іудинымъ?

Милосердъ Ты, Господи (Матѳ. 16, 22), сказалъ Ап. Петрѣ Иисусу Христу, и милосердію Твоему, прибавимъ мы, нѣтъ конца. Всмотримся, христіане, повнимательнѣе въ свою жизнь, вникнемъ въ свои слова, дѣйствія и поступки и мы увидимъ, что на каждомъ шагу прогнѣваемъ Бога своими грѣхами, и не только не думаемъ о своемъ исправленіи, а даже не обращаемъ вниманія на свое поведеніе, какъ будто такъ и должно быть. Вотъ, напр., мы приступаемъ къ св. чашѣ и просимъ Господа, чтобы Онъ удостоилъ насъ Св. Причащенія: *вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя приими*, и даемъ обѣщаніе исправить свою жизнь, оставить грѣховныя привычки: *не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ*, т. е. я не скажу Твоимъ врагамъ тайны, я не буду какъ іудеи мучить Тебя своими грѣхами и беззаконіями; вѣдь не іудеи только мучили Господа Иисуса, а и мы «второе распинаемъ» Его, когда грѣшимъ и предаемся страстямъ и похотямъ.

Но исполняемъ ли мы это обѣщаніе? Не обманываемъ ли мы Бога? Подумайте—если человѣка обмануть считается, нехорошимъ поступкомъ, то тѣмъ болѣе Бога,—это значить насмѣяться надъ Нимъ, а *Богъ*, говоритъ ап. Павелъ, *поругаемъ не бываетъ* (Гал. 6, 6). Трудно, невозможно, скажутъ многіе, оставить свои привычки, измѣнить образъ жизни. Но Господь по Своему долготерпѣнію и милосердію не прогнѣвается на насъ, если мы начнемъ свое исправленіе по немногу, если мы оставимъ сначала хотя бы одну какую нибудь дурную, грѣховную привычку. Возьмемъ въ примѣръ Господа и начнемъ свое исправленіе съ того, съ чего Онъ началъ Тайную вечерю.

Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ: Господь Иисусъ Христъ *всталъ съ вечери, снялъ съ Себя верхнюю одежду и, взявъ полотенце, препоясался; потомъ влилъ воды въ умывальницу и началъ умывать ноги ученикамъ и отирать полотенцемъ, которымъ былъ препоясанъ... Когда же умылъ имъ ноги и надѣлъ одежду Свою, то, возлегиши опять сказалъ имъ: знаете ли, что Я сдѣлалъ вамъ? Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ и правильно говорите, ибо Я точно то. Итакъ если Я, Господь и Учитель, умылъ ноги вамъ, то и вы должны умывать ноги другъ другу: ибо Я далъ вамъ примѣръ, что бы и вы дѣлали тоже, что Я сдѣлалъ вамъ* (Іоан. 13 гл. 4, 5. 12—15 ст.). Видишь, христіанинъ, какъ Господь, Царь неба и земли, смирилъ Себя;—Онъ не только принялъ зракъ раба, Онъ даже исполнилъ обязанности послѣдняго слуги. Какъ же послѣ этого мы то будемъ гордиться? Да и чѣмъ? Если

ты богатъ, такъ вѣдь это не твое. Богъ всегда можетъ лишити тебя богатства и ты въ одно мгновеніе будешь хуже послѣдняго раба. Если ты уменъ, славенъ, стоишь на высокой іерархической ступени опять это по Божію изволенію, и исторія намъ указываетъ, что не только славные и знатные, а даже и цари земные были низвергаемы. Поэтому чѣмъ больше будешь смирять себя, тѣмъ лучше. Положимъ, ты предъ Св. Чашей говоришь о своемъ смиреніи, признаешь себя грѣшнѣ всѣхъ, говоришь: пришедый въ міръ грѣшныя спасти, *отъ нихъ же первый есмь азъ*. Но вѣдь это на словахъ;—ты покажи свое смиреніе на дѣлѣ. Обрати вниманіе прежде всего на свое покаяніе. Искренно ли, чистосердечно ли, съ сокрушеніемъ ли сердца ты покаялся Богу въ своихъ грѣхахъ, или старался оправдать себя? Вѣдь только смиренный можетъ чистосердечно раскаяться въ своихъ грѣхахъ, а гордый, самолюбивый всегда находитъ оправданіе въ своихъ грѣхахъ, старается другихъ сдѣлать виновниками его дурныхъ поступковъ. А такая исповѣдь подобна исповѣди Іуды предателя. Какъ Іуда на тайной вечери, когда Господь сказалъ ученикамъ: *одинъ изъ васъ предастъ Меня*, вмѣстѣ съ другими учениками спросилъ Господа: *еда есмь азъ?*—хотя и зналъ, конечно, что онъ то и есть предатель; такъ и ты, хрістіанинъ, зная, что вѣдь ты грѣшилъ, а обвиняешь другого, слѣдовательно покаяніе твое не искреннее, а лицемѣрное,—ты на исповѣдь смотришь не какъ на таинство, очищающее тебя отъ грѣховъ, а какъ на простой обрядъ, который долженъ ради приличія исполнить всякій, называющій себя хрістіаниномъ. Въ такомъ случаѣ лучше совсѣмъ не приступать къ Св. Причащенію, потому что эти люди подвергаютъ себя страшному осужденію. *Да искушаетъ челоувѣкъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пьетъ: ядый бо и пійй недостойнъ, судъ себѣ ястъ и пьетъ, не разсуждая Тѣла Господня.* (1 Кор. 11, 28. 29). Слѣдовательно, такъ какъ первый грѣхъ, появившійся на свѣтѣ, былъ гордость,—одинъ изъ высшихъ ангеловъ возгордился, не захотѣлъ повиноваться Богу, за что и былъ низвергнутъ съ неба—*исперва діаволъ согрѣшаетъ* (1 Иоан. 3, 8), такъ и ты, хрістіанинъ, начни свое исправленіе со смиренія, приготовь себя къ достойному принятію тѣла и крови Христовой и по причащеніи старайся итти не по пути Іуды предателя, а по пути Апостоловъ:

Куда же пошли Апостолы съ тайной вечери и куда—Іуда?

Апостолы пошли за Господомъ въ Геѳсиманію и на Голгоѳу, а потомъ—на Елеонъ и въ Сіонскую горницу и наконецъ на небо... Іуда же съ Тайной вечери пошелъ сначала въ чертоги Каіафы, зашелъ на нѣкоторое время въ храмъ, откуда прошелъ къ погибельному древу, а съ него—въ адъ. Изъ одного и того же святаго мѣста два противоположныхъ пути.

Мы, по причащеніи св. Таинъ, обыкновенно уходимъ въ свои дома и принимаемъ за тѣ дѣла, на которыя каждого изъ насъ поставилъ Богъ и при этомъ неизбежно избираемъ себѣ тотъ или другой путь. Кто же идетъ путемъ Апостоловъ? Тотъ, кто причастившись Тѣла и Крови Христовой, считаетъ себя неразрывно связаннымъ съ Господомъ и слѣдуетъ за Нимъ всюду, куда бы Онъ ни повелъ—на Ѡаворъ или Голгоѳу. Если Господь возвелъ тебя на Ѡаворъ, т. е. если ты занимаешь почетное мѣсто, имѣешь подъ своею властію людей—не гордись, не считай себя выше ихъ, думай и заботься не столько о себѣ, сколько—о подчиненныхъ тебѣ. Ищи не своей, а ихней пользы, будь справедливъ къ нимъ и милостивъ въ наказаніи за проступки. Однимъ словомъ, имѣй Евангеліе настольной книгой, пусть она будетъ завѣтнымъ сокровищемъ твоего сердца, и руководствуйся постоянно ученіемъ Иисуса Христа во всѣхъ своихъ словахъ, дѣлахъ и поступкахъ.

Если же Господь поведетъ тебя на Голгоѳу, т. е. если въ удѣлъ тебѣ достались труды, бѣдность, скорби и несчастія, не сѣтуй, не ропщи; трудись терпѣливо и за все благодари Бога. Это покажетъ, что Онъ, по любви Своей къ тебѣ, избралъ этотъ путь въ царствіе небесное: *многими скорбями подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22). На насмѣшки и издѣвательства, которыя приходится особенно въ нынѣшнее время переносить людямъ, живущимъ благочестиво, смотри какъ на неизбежное зло: *вси, хотящїи благочестно жити о Христѣ Иисусѣ, гонимїи будутъ* (2 Тим. 3, 12). Въ этомъ случаѣ не обижаться на этихъ людей нужно, а жалѣть ихъ, какъ въ первые вѣка поступали мученики съ мучителями; они уговаривали ихъ оставить идолопоклонство, а ты, христіанинъ, на ихъ насмѣшки и издѣательства надъ тобою отвѣчай молитвою за нихъ, если ты не можешь, не въ состояніи убѣждать ихъ въ заблужденіи. Находясь въ томъ или другомъ положеніи стремись всегда къ Елеону, т. е. не прилѣпляйся къ земнымъ благамъ, держи всегда въ умѣ и сердцѣ ту мысль, что эта жизнь кратковременная и дана намъ для того, чтобы приготовить себя къ вѣчной жизни на небѣ.

Каковъ же Іудинъ путь и идетъ ли кто этимъ путемъ? Идетъ тотъ, кто, принимая Тѣло и Кровь Господа, принимаетъ ихъ какъ простой хлѣбъ и вино, кто хотя и ходитъ въ храмъ и кается въ грѣхахъ, но исполняетъ это лицемерно, какъ и Иуда на тайной вечери спросилъ: *не я ли, Господи?*—и на покаяніе смотритъ не какъ на Таинство, а какъ на обрядъ, исполненіе котораго требуется отъ каждого христіанина. Пришедши домой послѣ принятія Св. Таинъ, такой человекъ нисколько не думаетъ о томъ, что онъ соединился съ Господомъ Иисусомъ Христомъ, и весь отдается міру и своимъ страстямъ. Цѣлію жизни такихъ

людей не Елеонъ, не Сионская горница, а дворецъ Каиафы, т. е. стремленіе къ богатству, къ почестямъ и къ удовлетворенію своихъ страстей. Послѣдователи Іуды ничѣмъ не пренебрегаютъ для достиженія своихъ гнусныхъ стремленій—они готовы на ложь, обманъ и т. п.; для нихъ слово „любовь“ къ ближнимъ пустой звукъ. Было бы мнѣ хорошо, а до остальныхъ мнѣ дѣла нѣтъ— вотъ для нихъ законъ, которымъ они руководствуются. Жалкіе, по истинѣ, эти люди! По слову Спасителя: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. 7, 2), когда случится съ ними несчастіе, или какая бы то ни было бѣда, они ни въ комъ не видятъ сочувствія себѣ, да и отъ Господа они ушли далеко. Не видя себѣ ни откуда помощи, эти несчастные погибаютъ въ большинствѣ случаевъ подобно Іудѣ предателю;—одни изъ нихъ предаются какой либо страсти, другіе лишаютъ себя жизни.

Предъ вами, хрістіане, оба пути: и одинъ какой-либо непременно избрать должно. Но вы уже избрали, что должно;—каждый изъ васъ сказалъ: *я не дамъ Тебѣ лобзанія Іудина*. Смотрите: не давайте же сего адскаго лобзанія! Иначе оно будетъ нѣкогда жечь уста и сердце ваше пламенемъ адскимъ! Каждый изъ васъ обѣщалъ исповѣдывать Господа, подобно благоразумному разбойнику: смотрите—исповѣдайте же. Въ случаяхъ къ сему не будетъ недостатка; ибо міръ и теперь тотъ же, если еще не хуже, что былъ прежде: весь во злѣ лежитъ и ко злу всѣхъ влечетъ. Стойте же мужественно противъ сего зла. Не возвращайтесь на прежнее, какъ пестъ на блевотину. Благоразумный разбойникъ, если бы ему досталось сойти съ креста живымъ, безъ сомнѣнія, посвятилъ бы всю остальную жизнь Господу, и содѣлался бы ревностнѣйшимъ изъ учениковъ Его. Посвятимъ и мы все остальное время жизни нашей Ему же Всеблагому, дабы въ часъ смерти услышать отъ Него: *днесъ со Мною будещи въ раи*. Аминь.

1. *Аверкій.*

Молитва у креста.

Научи меня, Боже, прощать,
Какъ прощалъ Ты врагамъ злодѣянья
И молился за нихъ на крестѣ,
Добровольно пріемля страданья!
Научи меня, Боже, прощать,
Какъ прощаешь Ты мнѣ согрѣшенья,
Когда я съ покаяньемъ къ Тебѣ
Прихожу, и молюсь о прощеньи.
Духъ смиренья мнѣ, Боже, пошли,

Чтобъ не смѣлъ я ни чѣмъ возгордиться,
И за тѣхъ, кто творить мнѣ напасть,
Научи меня, Боже, молиться!

С. Обуховъ.

* * *

Блаженъ—кто кротко, молчаливо
Идетъ за Господомъ Христомъ,
И крестъ несетъ свой терпѣливо
На жизненномъ пути своемъ
Съ надеждой, что сей путь прискорбный
Онъ съ Божьей помощью пройдетъ,
И въ жизни будущей загробной
Блаженство вѣчное найдетъ.

С. Обуховъ.

Ангелу Хранителю.

Вѣрнымъ другомъ, въ жизни скорбной
Будь мнѣ Ангеле святой,
Сохрани отъ мысли злобной
Умъ смятенный, слабый мой;
Чтобы легче возноситься
Мыслью въ дальніе края,
Сердцемъ трепетнымъ молиться
Средь волненій могъ бы я!

С. Обуховъ.

Вновь вышелъ „Троицкій цвѣтокъ“:

ДЛЯ ЧЕГО И КОМУ НУЖНЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ?

С. Нируса.

Цѣна 10 к., съ перес. 15 коп.

Выписывать можно: Вологда, Соборная площадь, въ свѣчной лавкѣ Братства Вс. Спаса, въ Редакціи „Троицкихъ Листковъ“ Сергіевъ пос. Троицк. Лавра и „Церковнаго Слова“.